МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
ул. Кирова, 26/б. Телеф. 96-69
Вырезка из газеты Советское искусство
от 3 17 ОКТ 37
Москва
Газета №

1020

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

НОВЫЕ РОЛ

Эскиз сценической конструкции к постановке Камерного театра «Мадам Бовари». Слева — аптека, справа — дом Бовари. Худ. Б. Щуко.

Эмма Бовари

Мысль о сценическом воплощении романа Густава Флобера уже несколько лет увлекает мое воображение. Мне всегда казалось и кажется сейчас, что образ Эммы Бовари является одним из самых интересных и сильных женских образов классической литературы.

В судьбе Эммы Бовари следует видеть драму, рожденную столкновением романтических мечтаний молодой женщины с пошлой и порочной средой, ее окружающей. С этой точки зрения две существующие русские инсценировки романа совершенно неудовлетворительны. Они очень поверхностны, легковесны и совсем не вскрывают общественную и психологическую сущность явлений.

Неудачна, на мой взгляд, также и инсценировка романа, сделанная известным французским режиссером Гастоном Бати. Передавая, главным образом, сюжет романа и оставляя в стороне психологические мотивы развития образа Эммы Бовари, — эта инсценировка, как о ней правильно сказал мне Поль Гзелл, является лишь «цепью красивых, стильных, живых картин». Интересная деталь: Бати вводит в пьесу группу «прелестниц» (некое подобие античного хора), которые появляются в каждом акте и, по замыслу автора инсценировки, должны воплощать собой... неосуществленные мечтания Эммы. Не приходится и говорить о том, насколько чуждо это мистическое появление «прелестниц» произведению величайшего реалиста Флобера.

Моя работа над сценическим вариантом романа чрезвычайно сложна и с технической стороны. Главные трудности создает повествовательный характер романа и очень ограниченное число диалогов. Флобер часто на половине страницы вмещает большие события или дает исчерпывающую характеристику поступкам и настроениям своих героев. Говоря о молоденькой Эмме Руо, дочери зажиточного фермера, Флобер скупо и необычайно ярко подчеркивает романтичность и мечтательность своей героини, которой «захотелось узнать, что разумеют в жизни под словами: блаженство, страсть и упоение, — словами, которые казались ей столь прекрасными». Вот пример характеристики, данной Флобером в одной фразе, которую нужно попытаться воплотить в сценическом образе, развить ее не только в настроениях, но и в поступках Эммы Бовари и найти им необходимое словесное выражение.

Последнее мне представляется особенно трудным, так как, бережно относясь к тексту Флобера, я хочу по возможности приблизить диалоги к стилю и композиции романа. Переписка Флобера, его письма к Жорж Занд, Тургеневу, молодому Гюи де Мопассану помогли мне разобраться в настроениях и мыслях великого писателя. Находясь два года назад в Париже, я захотела посмотреть на французскую провинцию. Я предприняла путешествие, которое должно было ознакомить меня с бытом маленьких французских городов, с нравами и обычаями их обитателей.

Эта поездка дала исключительно много впечатлений и материала для нашей работы. Французская провинция во внешних проявлениях своего быта почти не изменилась со времени, к которому относятся события «Мадам Бовари».

Я была в Руане, долго бродила по его окрестностям, по цветущим лугам, где когда-то совершала свои прогулки Дельфина Кутюрье (по мужу Де-Ламар), явившаяся прообразом Эммы Бовари. Здесь по сей день живут воспоминания о жизни и трагедии этой женщины. Рассказывают, что мужем Дельфины Кутюрье был один из учеников отца Флобера, бравый военный фельдшер, простой и ограниченный человек. Жена его (так же как и в романе) — дочь зажиточного фермера, получившая воспитание в руанском монастыре, — быстро разочаровалась в прозаической семейной жизни с добрым и честным фельдшером. За первым любовником следует второй. Дельфина теряет голову, начинает безумно тратить деньги, подписывает векселя, доводит дом до разорения и в марте 1848 года кончает жизнь самоубийством.

Подобно тому, как это сделал Флобер в романе, я буду стремиться, чтобы в пьесе динамика действия развивалась в тесной связи с динамикой чувств и переживаний Эммы Бовари.

И тут на помощь мне, как автору сценического варианта романа, приходит опыт моего актерского творчества. Наиболее ответственные сцены я пишу несколько своеобразно: прежде чем взяться за перо, я предварительно играю отрывок и, только убедившись в психологической правде и уместности отдельных фраз в общем контексте, — быстро записываю его.

Для меня, как для актрисы, играющей по преимуществу трагедию, образ Эммы Бовари, один из самых потрясающих и сложных в мировой литературе, особенно интересен и привлекателен.

Моя актерская задача сводится к тому, чтобы показать жесточайшую трагедию, переживаемую Эммой из-за внутреннего конфликта между мечтой и действительностью, столь характерного для ее времени и среды.

Я вижу Эмму в первой части ее сценической жизни мечтательной и скромной. Маленькая женщина, добросовестно стремящаяся побороть все встающие перед ней «искушения» и «соблазны». Для самозащиты она пользуется привычными ей догмами религии и мещанской морали.

Вторая часть — под напором вспыхнувших чувств эти догмы рушатся. Эмма неудержимо и безраздельно отдается охватившей ее страсти, не останавливаясь ни перед какими средствами для того, чтобы вырваться из сумрака жизни и «подняться к облакам» в царство своих мечтаний.

Сокрушительный удар разбивает надежды Эммы. Тогда наступает третий этап развития образа — кризис. Глубокое безверие, полная внутренняя опустошенность овладевают Эммой. Низвергнуто все: любовь, семья, церковь, честь, женское достоинство. Как затравленный звереныш, мечется Эмма, ища выхода из западни, в которую она попала. Наибольшего драматического напряжения роль достигает тогда, когда перед Эммой встает вопрос: либо пасть до последнего предела, либо умереть, сохранив хотя бы остаток своего человеческого достоинства. Эмма умирает.

В этом постепенном развитии образа Эммы Бовари мне хочется показать не только ее потрясенное сознание, но и то, как силы этой очень одаренной и незаурядной женщины ищут выхода из большого жизненного конфликта.

Переживания Эммы необычайно многообразны и тонки. Я должна буду показать целую гамму состояний Эммы, ведущих ее от идеалистических мечтаний, через внутреннюю опустошенность — к почти циническому отношению к жизни.

Я в своей пьесе, так же как и А. Я. Таиров в своей режиссерской работе, будем пытаться осуществить принцип «непрерывности сценического действия», сохраняющий структуру романа. Действие не должно дробиться на отдельные сцены и картины. С учетом этого принципа будет делаться и макет постановки. Готовясь к работе над оформлением спектакля, художник Б. Щуко знакомится с творчеством Поля Гаварни и Онорэ Домье, в стиле которых будут выдержаны декорации, костюмы и грим.

Премьера будет показана в январе 1938 года.

АЛИСА КООНЕН